

CZU: 821.161.1:94:316.34

## КОНЦЕПТ «МЕЩАНСТВО» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

*Ирина ЦВИК*

*Кишинёвский государственный педагогический университет им. Иона Крянгэ*

Автором совершен экскурс в историю зарождения мещанства как социального явления, показана эволюция восприятия идеологии мещанства в Европе и особенности отношения к нему в России, указывается на двойственность самого явления.

Основное внимание обращено на отношение к мещанству в русском обществе XIX-XX вв. Всем ходом рассуждений и примерами из художественных произведений русских классиков автор стремится показать и доказать, что особая нетерпимость к философии и мировоззрению мещанства обусловлена базовыми установками русской ментальности.

**Ключевые слова:** мещанство, мировоззрение, идеал, русский менталитет, русская интеллигенция.

### CONCEPTUL „MICA BURGHEZIE” ÎN LITERATURA ARTISTICĂ: LECTURA UNIVERSALĂ ȘI DIMENSIUNEA NAȚIONALĂ

Autorul întreprinde un excurs în istoria apariției micii burghezii ca fenomen social, arată evoluția ideologiei micii burghezii în Europa și particularitățile atitudinii față de ea în Rusia, atrage atenția asupra dualității fenomenului însuși.

O deosebită atenție se acordă atitudinii manifestate de societatea rusă din secolele XIX-XX față de mica burghezie. Prin întregul raționament și prin exemple extrase din opere artistice ale clasicilor ruși autorul tinde să demonstreze și să argumenteze că intoleranța față de filosofia micii burghezii și concepția ei despre lume este determinată de principiile de bază ale mentalității rusești.

**Cuvinte-cheie:** mica burghezie, concepție despre lume, ideal, mentalitate rusească, intelectualitate rusă.

### THE CONCEPT OF "PHILISTINISM" IN FICTION LITERATURE: GENERAL READING AND NATIONAL APPRECIATION LEVEL

Author makes a retrospective journey into the history of origin of philistinism as a social phenomenon, shows evolution of perception of bourgeoisie ideology in Europe and peculiarity of attitude to it in Russia, point to duality of phenomenon.

The main focus in the article is point on attitude to philistinism in Russian society in XIX-XX centuries. Author tends to show and prove by entire train of thoughts and examples from literature of Russian classics that special impatience to philistinism philosophy and worldview is connected with background features of Russian mentality.

**Keywords:** philistinism, worldview, ideal, Russian mentality, Russian intelligentsia.

Понятие и явление мещанства, как и сами его представители, не один век являлись одной из важных тем рассмотрения/изучения как в художественном творчестве писателей, так и в контексте размышлений философов и социологов над проблемой мироощущения, мировоззрения и психологии городских слоёв различных стран. Явление мещанства рассматривалось с точки зрения социально-экономического, историко-культурологического, нравственно-этического и других аспектов.

Безусловно, что мещанство как идеологию и систему ценностей следует рассматривать и увязывать с проблемой идеала, которая освещает всю сферу истории культуры в целом. С философской точки зрения, понятие «идеал» (от греч. «idea», франц. «ideal») означает первообраз или образец чего-либо. Идеал как нечто возвышенное и прекрасное обусловлен представлениями о совершенных явлениях в природе, общественной и духовной жизни людей. В литературе и искусстве идеал выступает как образное представление художника о тех или иных явлениях.

В Западной Европе XVII – начала XVIII в. общество было обуреваемо идеалом всемогущества человеческого разума. В дальнейшем XVIII век был увлечён идеалом изменения общества под лозунгом «Свобода, равенство, братство!» Этот же идеал близок и XIX веку. Но всё меняется в XX веке: общество после 2-ой мировой войны вступает в эпоху постиндустриализма, и тогда обнаруживается, что идеалом становится потребление. В этих условиях концепт «мещанство», отражающий социальное явление, в силу изменившихся социокультурных обстоятельств претерпевает эволюцию.

Между тем важно определиться со *своевременностью* обращения к теме. Существует ли сегодня проблема мещанства? Насколько актуально в наше время само это явление?

Итак, в XX веке ситуация кардинально меняется. Во-первых, западному обществу потребления было противопоставлено советское общество, выдвинувшее другой идеал – стремление к духовному продвижению. Советская республика рождалась с острым неприятием идеи материального благополучия как смысла и ценности жизни. С одной стороны, СССР был бедной страной, в которой у основной массы населения было мало возможностей что-либо потреблять. С другой – в России исторически традиционно к потреблению и наживанию капитала было более чем неоднозначное отношение. С распадом СССР постепенно возникала сама возможность и доступность потребления. И тут произошло неожиданное – всего за 25 лет у определённой части населения возникло огромное стремление не только к потреблению, но и страстная жажда обогащения. Таким образом, можно утверждать, что появилась новая форма мещанства и, соответственно, её представители – мещане.

Русская литература в течение почти 2-х столетий страстно боролась с *подменой* идеалов, когда вместо духовного самосовершенствования как жизненного смысла предлагались стремления к материальному благосостоянию как достойной прагматической цели короткой человеческой жизни. Таким образом, осмысление духовных исканий русского человека-интеллигента, поиски им нравственных ориентиров на протяжении почти 200 лет в той или иной мере связаны с неприятием мещанства и борьбой с ним. Этому посвящено творчество больших русских художников: А.Чехова, М.Горького, В.Маяковского и многих других. Русские классики страстно ненавидели этот тип людей, осуждали и ниспровергали его.

Однако зададимся вопросами: «Каков генезис явления и самого понятия?» и «Почему отношение к мещанству в России стало оселком в оценке личности, её критерием?» Схождение столь разных писателей на этой теме и их единодушные в подходах к ней заставляет нас полагать, что во взаимоотношениях с концептом «мещанин/мещанство» проявляется и *черта русской ментальности*.

А ведь первоначально мещанин – это просто *городской житель*. Как указывает словарь, термин «мещанин» польского происхождения («mieszczanin» – горожанин) [1, с.953-954]. По другим источникам название происходит не только от польского, но и белорусского названия небольших городов – «местечко». И такой городской люд жил/был по всей Европе столетиями!

В России мещанство берёт начало от посадских, т.е. жителей городов и посадов (посад – населённая территория за пределами кремля, та часть, которой город прирастал, где находились ремесленные слободы и торжище, где проводились различного рода торги) ещё Московского государства. Таким образом, это были в основном ремесленники, мелкие домовладельцы и торговцы. Мещанам принадлежала большая часть городского недвижимого имущества.

Официально мещанское сословие было оформлено Екатериной II в 1785 г. в Жалованной грамоте городам. Наименование «мещане» в ней было определено как «городовые обыватели», «среднего рода люди». В России они – аналог «третьего сословия»: мелкие ремесленники и торговцы. Звание мещанина было наследственным и потомственным. Словарь Даля определял слово «мещанин» как «горожанин низшего разряда, состоящий в подушном окладе и подлежащий солдатству; к числу мещан принадлежат также ремесленники, не записанные в купечество» [2, с.373]. Как поясняет обширная справка из словаря Ю.С.Степанова, «мещанин – человек, принадлежащий к городскому ремесленно-торговому слою населения, а с 1785 года – официальное название лиц, главным образом из городской мелкой буржуазии» [3, с.679-683]. А вот словарь Ушакова вторым значением слова «мещанин» указывает: «человек с мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором». Именно не социальный аспект, а духовный, вернее – *бездуховный*, которым наделялись мещане, и стал в русской литературе главной мишенью, куда били классики.

Вначале, однако, термин «мещанин/мещане» не заключал в себе неодобрительного, нелестного смысла. Так, А.С. Пушкин в стихотворении, озаглавленном «Моя родословная» (черновое название «Моя родословная, или Русский мещанин»), называл себя «русским мещанином»: «Меня зовут аристократом. // Смотри, пожалуй, вздор какой! // Не офицер я, не асессор, // Я по кресту не дворянин, // Не академик, не профессор; // Я просто русский мещанин. // <...> Бояр старинных я потомок; // <...> // Я не богат, не царедворец, // Я сам большой: я – мещанин».

Таким образом, в представлении А.С. Пушкина (и, видимо, в его время) это наименование/название не содержало никакого негативного значения (не имело отрицательной коннотации). Более того, следует обратить внимание на слова из последней строки – «я сам большой», т.е. *самодостаточный* и *независимый* человек, с точки зрения А.Пушкина.

Начиная с середины XIX в. понятие/обозначение «мещанин/мещанство» получает иной смысл – ярко выраженный отрицательный. «Крестовый поход» против мещанства, по большому счёту, начал ещё А.И. Герцен, который называл мещанство *всеклассовым*, но при этом и *внесловным*. «Не случайно это явление было названо русским словом "мещанство": вряд ли где-нибудь оно вызвало бóльшую ненависть, чем в России, и вряд ли где-нибудь эта ненависть оказалась более оправданной. <...> Замечательно, что А.Герцен обозначал им чаще всего зарубежное мещанство, то есть определенный тип буржуазии, который он распознал при самом его зарождении на западе Европы, около 1848 года. В России в то время, пожалуй, еще не было специфического "горьковского" мещанства, на которое этот термин и был перенесен. В официальном языке русского государства было "мещанское сословие", куда включались городские ремесленники и рабочие, торговцы и купцы, промышленники, мелкие чиновники и всякого рода заезжие иностранцы» [4].

Р.В. Иванов-Разумник, написавший обширный труд в трёх томах «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX века», обратил в нём внимание, что А.И. Герцен подразумевал под «мещанством коллективную посредственность, умеренность и аккуратность, ненависть к яркой индивидуальности» (Т. 1. Гл. VIII). Он (Герцен) полагал, что мещанство – это совокупность определенных признаков, носителями которых может быть отдельный человек в *любом* современном обществе. В статье «Концы и начала» А.И. Герцен писал о появлении в результате европеизации новой городской цивилизации «местных» – мещан, лишенных индивидуальности, духовности, немного вульгарных, но сытых, благополучных и весьма довольных собой. «Представление Герцена об "этическом противополжении индивидуализма и мещанства" – одна из ключевых идей в русской мысли, объясняющая реальные процессы в духовной сфере» [5, с.32].

В той или иной степени, но пафосом своего творчества драматурга А.Н. Островского можно считать солидарным с А.И. Герценом. Если вдуматься, то *что* или *кого* он разоблачал в пьесе «Гроза»? Купечество или мещанство? Долгое время считалось, что в основном купечество, тем более что в России мещанство и купечество – традиционные сословия, долгое время развивались параллельно и потому имели различные черты. Но, скорее всего, основной мишенью драматурга стало всё-таки именно мещанство, с его узостью мировоззрения, консерватизмом представлений, эгоизмом, преклонением перед деньгами, измерением достоинства человека по его достатку. Такие черты плюс ещё и самодурство (как качество, видимо, внесловное) А.Н. Островский считает присущими в большей степени мещанству (что не означает, конечно, оправдания отталкивающих качеств русского купечества). И сама Катерина – это оппозиция **одухотворенности**, душевной щедрости мещанской *убогости* и *бескрылости*, и именно мещанская *атмосфера* губит героиню. Или вот герой А.Н. Островского Бальзамино: с одной стороны, он – средоточие отсталых народных поверий и суеверий, а с другой – иногда даже и газеты читает, знает, к примеру, что Наполеон вернулся с Эльбы. В его голове причудливо соседствуют, совмещаясь, как следы крестьянских предрассудков, так и жалкие отголоски городской «учёности». Хотя герой оказывается чуждым обоим мирам. А мамаша Огудалова из «Бесприданницы»? Она-то уж точно не купчиха, нет, она пошлая мещанка по духу, по образу мысли и манере поведения.

Для мещанина идеал внутри него, а по ёмкой формулировке Г.В. Гегеля, «идеал всегда впереди нас». Не случайно именно у *русской интеллигенции* выделяется «такое свойство, как её антимещанская сущность. <...> Неприятие мещанства лучшими представителями русской интеллигенции объясняется их убеждением в том, что сосредоточенность на земных, материальных благах нивелирует личность, ведет к её деградации и даже полному исчезновению. Именно борьба интеллигенции за идеал личности ведет к преодолению мещанского духа» [6, с.217-218].

Неприятием мещанской идеологии, психологии и мировоззрения пронизано и творчество А.Чехова, который был убеждён, что именно мещанин способен на «тупую и злую философию», защищая свой образ жизни и свои жизненные ценности. Страстным ненавистником и борцом с мещанством как социальным явлением был М.Горький. Он писал: «им враждебно всё, что проникнуто духом творчества, <...> мещанство – проклятие мира». Как отмечают Т.З. Мухутдинова, Г.Н. Кулагина, Н.П. Ячина, А.Я. Икрамов в статье «Феномен русского мещанства: отношение М.Горького и Л.Андреева», мещан бичевал в своих стихах К.Бальмонт. О духовном мещанстве как выражении необычно плоскостного

мироощущения писал Е.Н. Трубецкой. С мещанством воевали символисты и реалисты, богостроители и богоискатели», добавим, и футуристы в лице В.Маяковского. В XX веке о бездуховности мещан стала размышлять и городская проза.

Таким образом, чуть ли не *вся* русская литература в течение двухсот лет вдохновляется борьбой с мещанами, вдохновляет/вызывает на эту борьбу русского интеллигента, понимание которого также отнюдь не связано только с социальными корнями. Слово «мещанство» стало нарицательным для определения людей соответствующей жизненно-нравственной ориентации независимо от их сословно-классовой принадлежности.

В то же время, как отмечает Ю.С. Степанов, «эта полностью негативная политическая и этическая оценка мещанства – основного, стабилизирующего слоя общества – с трудом могла быть понята на Западе, и название пьесы М.Горького "Мещане" по-английски традиционно передается как «Smug Citizens», буквально – "самодовольные, ограниченные, чопорные граждане". Более поздние советские русско-английские словари толкуют "мещанство" с отрицательным смыслом – "филистерство"» [7, с.679-683]. И это не случайно. Так, немецкий аналог русского мещанина – бюргер, был воспет Т.Манном, анализу бюргерства посвящены его основные теоретические труды. А.А. Федоров в книге «Томас Манн. Время шедевров» (1981) отмечал, что «бюргерство для Т.Манна – некое суммарное определение европейской гуманистической культуры».

Менее воодушевлен и категоричен был Г.Гейне в работе «К истории религии и философии в Германии», но общий тон его рассуждений также позитивный: «тип мещанина в высшей степени выражен в обоих (М.Робеспьере и И.Канте): природа предназначила их к обвешиванию кофе и сахара, но судьба захотела, чтобы они взвешивали другие вещи, и одному бросила на весы короля, другому – Бога».

Однако складывается впечатление, что французы в лице Мольера и его бессмертной пьесы «Мещанин во дворянстве» полностью созвучны русским писателям. И да, и нет! С одной стороны, автор развенчивает в Журдене доверчивость, глупость, наивность, невежественность, самоуверенность, тупость и тщеславие. Герой воспринимает культуру в одном ряду с модным у дворян платьем и не понимает, что за деньги можно купить всё, но не истинную порядочность. С другой стороны, а это было особенно важно Мольеру, автор зло и беспощадно изобразил не просто отдельных дворян, но *всё* дворянство – их нечистоплотность в моральном смысле, расчётливость и цинизм. И в то же время показано и осмеяно *не* всё мещанство, а *отдельные* ограниченные и тщеславные его представители. Во времена Мольера росли самосознание и самоуважение французской буржуазии, её амбиции, чувство её социальной значимости: члены сословия не желали никому уподобляться и стремились к самоутверждению буржуазного престижа. Такие настроения были понятны Мольеру.

В Англии формируется так называемая «мещанская драма». Как отмечает А.А. Елистратова, «в творчестве Джорджа Лилло (1693-1739) и Эдуарда Мура (1712-1757) формируются первые образцы мещанской драмы Просвещения. <...> Вместо династических, государственных или гражданско-патриотических интересов на сцене сталкивались пороки и добродетели частной жизни. Лилло не только вывел на трагические подмостки действующих лиц, принадлежавших к третьему сословию, но и утверждал, что именно они имеют первостепенное право на внимание драматурга. Ведь трагические катастрофы и несчастья – доказывал он в посвящении к "Лондонскому купцу" – не составляют исключительной привилегии особ высшего ранга. Напротив, они выпадают на долю большинства людей, и трагедия будет тем величественней, чем шире станет ее диапазон. <...> Современники – в том числе и передовые деятели европейского Просвещения – ощутили и оценили, прежде всего, новаторство Лилло: его демократизм, обращение к повседневной третьесословной жизни» [8, с.63-65].

Мораль добросовестного отношения к труду, бережливости, умеренности, незапятнанности собственного имени, верности долговым обязательствам, патриархальности семейных отношений, материальной расчётливости и разумного ограничения потребностей, выразившегося в мелкобуржуазной скупости, возникла задолго до Реформации (1526 г.). Но именно становление протестантизма, и здесь следует согласиться с М.Вебером, способствовало формированию нравственного кодекса и стройной системы взглядов буржуазного класса, вышедшего из недр мещанского сословия. Известный польский исследователь М.Оссовская утверждала, что протестантизм более всего соответствовал «духу» мелкого собственника, отражал и выражал его социальную психологию. Бывшие ремесленники и мелкие торговцы восприняли протестантизм как религиозное направление, *легитимизирующее, благословляющее и освящающее* их образ жизни, мышления и мировоззрение в целом.



Как отмечают большинство исследователей, мещанин, как правило, трудолюбив, но его профессионализм ограничен хорошо отработанным навыком, однако не выходящим за рамки узкого круга смежных с навыком знаний и умений: мещанин занят коммерческими заботами. Дух творчества его не влечет. Отношение к труду как естественному и необходимому условию существования сопровождается добросовестностью и ответственностью за «свой» участок работы. Умеренность, нестяжательство и добросовестность воспринимаются как порядочность, и по обстоятельствам он стремится к её сохранению. Одну из добродетелей мещанина составляет уважение к собственности, нажитой честным трудом, переходящее в уважение к своим и чужим вещам. Мещанство воплощало идеологию, психологию, мораль и образ жизни средних слоёв общества (т.н. *средний класс*) со всеми положительными и ярко отрицательными чертами. Мещанство предстаёт многомерным и неоднозначным явлением.

Итак, *двойственное* положение мещанина одновременно как *собственника и труженика* определяет его отношение к «вышестоящим» и «нижестоящим» слоям общества. Как собственник он завидует крупным собственникам, как труженик тяготеет к демократии и справедливости. Пусть небольшая, но собственность обуславливает его *консерватизм*, тягу к стабильности и «дух» индивидуализма, выражающиеся в страхе перед посягательством на все, что приобретено собственным трудом и куплено на собственные деньги. Вещизм и приобретательство как доминанты сознания, обусловленного желанием подняться выше, делают его *конформистом*, а замкнутость на собственном благополучии и ограниченность в средствах сужают до минимума его кругозор, делая его эгоистом.

Нам представляется, что необходимо более ясно разграничивать понятия «мещанин» и «труженик». Люди, не понимающие и не ценящие труда, могут вызывать самое отрицательное отношение. Труженик – не мещанин, он, в первую очередь, работник, созидатель, а во вторую, а скорее в третью очередь, он – собственник, но вернее, он – *хозяин*. Труженик – это человек, который много, усердно и ответственно, с большим старанием и профессионально работает. Его идеал – это труд во имя преуспевания/преуспевания семьи, где собственность – это *средство*, а не цель жизни. Собственность для мещанина – это главная и единственная цель и смысл жизни, его идеал – в накоплении, самодовольстве и сытости, вся его жизнь проходит «без Божества, без вдохновенья».

Обращаясь к России, следует заметить: дело не только в том, что в стране тогда не сформировался этот средний класс, а в том, что богатство как смысл жизни *чужд* русскому интеллигенту в широком смысле слова. Именно на этом фокусировалось внимание русских писателей, которые использовали слово «мещанство» в *широком* смысле как синоним буржуазности и частнособственнических склонностей, торгашеской морали и ограниченности. «Мещане в русском понимании – это люди, не имеющие опоры ни в народной традиции, ни в высотах образования. Культурный багаж мещанина – это одновременно и точка встречи традиций верхних и нижних классов общества, и место умирания и выхода из этих традиций. <...> Привлекавшее пристальное внимание русских писателей мещанство представляло собой слой потомственных (хотя и необразованных) городских жителей, которые в глазах литераторов были резко противопоставлены, как "народу" (т.е. крестьянству), так и "образованным классам": мещане обладали своей специфической "третьей образованностью"» [9].

Достаточно резко, не стесняясь в выражениях, обозначает своё понимание/отношение к этому явлению такой яркий художник, как В.В. Набоков: «мещанство возникает на определенной ступени развития цивилизации, когда вековые традиции превратились в зловонную кучу мусора, которая начала разлагаться» [10, с.384-385]. Для русского человека фиксация на материальном, устремлённость к рационально-прагматическому – всегда дурно, это **пошло!** Таким образом, в сознании русского интеллигента мещанство становится ещё *и* синонимом пошлости. Вот как об этом говорит В.Набоков: «на русском языке при помощи одного беспощадного слова можно выразить суть широко распространенного порока, для которого три других знакомых мне европейских языка не имеют специального обозначения. <...> С той поры, когда Россия начала думать, все образованные, чуткие и свободомыслящие русские остро ощущают вороватое липкое прикосновение пошлости» [11, с.437-440]. А пошлость неразрывно связана с мещанством, она его тень, второе «Я». Для мещан/пошляков мир ясен, их восприятие ограничено ближайшим бытовым и социальным кругом, и другие их интересуют как средство реализации своих целей. Русско-американский писатель В.Набоков, афористически заметивший когда-то, что его «**сердце** разговаривает по-русски, а голова – по-английски», на этом про-веряет истинную «русскость», и он, конечно, прав! Только русский человек так непримирим и нетерпим

к мещанству/пошлости, у него просто аллергия на это явление, да и на само понятие, в котором заключается для всякого русского интеллигента отсутствие высоких целей, стремлений и идеалов.

А.П. Чехов так и рассматривает мещанство как противоположность, *антагонизм идеалу – движению вперед, прорыву и порыву*. Писатель говорит устами одного из своих героев: «Пока с обывателем играешь в карты и закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже неглупый человек, но стоит заговорить с ним о чем-нибудь несъедобном, например, о политике или науке, как он становится в тупик или заводит такую философию, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти». Герой А.Чехова имеет в виду в данном случае уже не столько просто обывателя, а именно мещанина, который и способен на «тупую и злую философию», защищая свой образ жизни и свои жизненные ценности. У Чехова много примеров таких героев, например, хрестоматийные Беликов и Ионыч. Беликов, тот вообще стал нарицательным персонажем от гротескного облика до фамилии, а вот с Ионычем сложнее, потому что им пройден большой путь «вверх по лестнице, ведущей вниз». Человек с идеалами, ценностями и мечтаниями, воодушевленный и окрыленный высоким предназначением в жизни, добивается материального успеха в забитом провинциальном губернском городке и, как мы видим, опускается в духовном/душевном плане. А что ему было делать в этом городишке, если в браке ему отказали (семью не завёл), интересного общения нет (одноклассники далеко, а местная публика убога), в столицы не пробьешься. Дело своё он знает, работу делает, в целом, честно, правда не любит хворых и увечных, и это врач (!), ну и это бывает. Но А.Чехова как великого русского писателя и специалиста по «загадочной русской душе» эта душа и волнует, а вот у Ионыча и с душой, и с духовностью случилась катастрофа: они атрофировались. А.П. Чехов – не ханжа и не лицемер, и проблема рассказа и героя совсем не в том, что деньги – это плохо, потому что плохо как раз отсутствие денег, вспомним мучения героев Ф.Достоевского! Проблема в том, *что* цель, а что средство, *что* главное, а что второстепенное, ради чего стоит жить.

В рассказе А.Чехова мещанство поглотило личность. Ионыч стал мещанином/пошляком потому, что в *его* «мире не осталось ничего духовного, кроме восторга людей, продающих или поедающих манну небесную», и страшно «не то, что игра чувств ведется здесь по буржуазным правилам (<...> буржуазным во флюберовском понимании этого слова), а то, что мир этот только тень, спутник подлинного существования, в который ни продавцы, ни покупатели в глубине души не верят» [12, с.437-440]. Ионыч, говоря словами С.Есенина, душу «сдал за ненадобностью в аренду под смердяковщину». Многих персонажей рассказов А.П. Чехова, смысл и суть жизненного кредо которых претят автору, можно смело аттестовать как мещан. Они отличаются узостью взглядов, душевной глухотой, а порой просто бездушностью, самоуверенностью, погруженностью в мещанский быт, они всю свою жизнь подчинили одной лишь материальной идее – так проявляется убожество их мещанского мировоззрения и психологии. Столь однозначное неприятие мещанства, выработанная идиосинкразия по отношению к нему – не только индивидуальное чувство, но и глубоко укоренившееся в ментальности русского интеллигента. В этом и заключается **понимание и неприятие мещанства по-русски**. Художники различных поколений, эстетических убеждений и направлений удивительно единодушны в диагнозе и его симптомах!

Отношение Максима Горького к мещанству – это и личное неприятие, и позиция пролетарского писателя. Он рассматривает мещан как тех, кто противостоит передовому идеалу, как он его понимает. Уже в «Песне о Соколе» (1895) писатель изображает ужа, в котором воплощено авторское понимание квинтэссенции мещанской психологии: «Ну что же – небо? – пустое место... Как мне там ползать? Мне здесь прекрасно... тепло и сыро!». Сокол же – авторский идеал: он истёк кровью во имя борьбы за будущее: «– Я славно пожил!.. Я знаю счастье!.. Я храбро бился!.. Я видел небо... Ты не увидишь его так близко!..».

В неприятии мещанства с ним был солидарен и Л.Андреев. Не принимая мещанства, А.Горький и Л.Андреев имели в виду, в большей степени, не сословную принадлежность, а *духовную бессодержательность*, определённый комплекс мировоззрения. Их «сближает неприятие мещанского уклада жизни. Для писателей духовное мещанство – самодовлеющая посредственность, бескрылость. Мещанин для них – это человек, оторванный от общественных интересов, находящийся в духовной самоизоляции, внутренне опустошенный, и он заслуживает только презрения. Мещанин стремится жить в комфортном мире, в котором люди следуют утилитаристским принципам. <...> Это массовые люди-потребители,

синоним невежественности; толпа, которая не рассуждает, а повинуется страстям. Это воплощение стадности имеет психологическую готовность к рабству, унифицированности, шаблонности» [13, с.308-309].

Ещё в 1902 году в пьесе «На дне» Сатин заявил принципиальную позицию: «Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? Человек выше сытости!..» Можно спорить с героем, действительно ли человек выше сытости? Выше пресыщенности – безусловно, но вот выше сытости – это вопрос. Однако здесь, в этой запальчивости персонажа, явственно звучит **антимещанский манифест** самого М.Горького, и в этом смысле человек действительно **выше сытости**, не она определяет меру человеческого в человеке, а презрение к комфортной сытости и работа ради приобретения/накопления богатств.

В этом же контексте можно интерпретировать и стихотворение А.Блока 1905 года «Сытые»: «Они давно меня томили: // В разгаре девственной мечты // Они скучали, и не жили, // И мяли белые цветы. // <...> Так – негодует всё, что сыто, // Тоскует сытость важных чрев: // Ведь опрокинуто корыто, // Встревожен их прогнивший хлев!». В унисон с этими настроениями и мыслями – стихотворение В.Брюсова «Довольным» того же 1905 революционного года: «Довольство ваше – радость стада, // Нашедшего клочок травы. // Быть сытым – больше вам не надо, // Есть жвачка – и блаженны вы!». Революция воспринималась, в том числе, и как **антимещанский бунт!** В этой связи образ буржуа из поэмы «Двенадцать» прочитывается также и как невыносимый для А.Блока символ мещанства.

В русском *национальном сознании* укоренено абсолютно *негативное* отношение не только к богатству (недоверие/сомнения на счёт честного/справедливого его накопления), но особенно к суеде для его приобретения. Для русского человека идея в широком смысле слова всегда ценнее даже хлеба насущного, т.е. душевное (вечное), безусловно, приоритетно над телесным (бренным и сиюминутным). Ещё Н.О. Лосский отмечал, что «презрение к мещанству в высшей степени характерная черта русского общества, именно презрение к буржуазной сосредоточенности на собственности, на земных благах, на том, чтобы "жить как все", иметь хорошую обстановку, платье, квартиру. А.Герцен, Ф.Достоевский, Л.Толстой, повидав жизнь Западной Европы, с отвращением описывают мещанский характер. <...> Борьба против мещанства, т.е. против буржуазного умонастроения и строя жизни, ведется русской интеллигенцией во имя достоинства индивидуальной личности, во имя свободы её, против подавления ее государством или обществом, против всякого низведения ее на степень лишь средства» [14, с.55].

Такие произведения Максима Горького, как пьесы «Мещане» (1901), «Дачники» (1904), повести «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина» (1909), занимают важное место в прояснении взглядов писателя, в его изобличении *мещанства как социального явления*. В этих произведениях мещанская философия представлена изнутри провинциального быта, в живых типах, выявлена философия мещанства. Существенно, что само определение «*мещанство*» в особом значении, «как известный строй души», получило распространение в начале XX века в большей степени через произведения М.Горького. Автор показал идиотизм животного-природной жизни, скуку и отупение, существование организуется потребностями сытости, покоя, наслаждения.

Эта тема настолько занимает писателя, что он посвящает ей известную статью «Заметки о мещанстве», которая впервые была напечатана в большевистской газете «Новая жизнь» № 1 от 27 октября 1905. В этом страстном публицистическом сочинении автор заявляет: «Мещанство – это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства – уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, темный страх пред всем, что, так или иначе, может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее объяснить себе все, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей. <...> Современное государство создано мещанами для защиты своего имущества, мещане же и дали государству развиваться до полного порабощения и искажения личности. <...> Мещанство хотело бы жить спокойно и красиво, не принимая активного участия в этой борьбе» [15].

В представлениях М.Горького мещанину противостоял гордый Человек с большой буквы – образ идеала. Для писателя определяющей чертой мещанина-обывателя является пассивность, а главной ценностью – частная собственность. «В русском языке средства выражения концепта "богатство" содержат отрицательную коннотацию по отношению к материальному богатству. В русском менталитете смысл этого понятия сводится не только к его материальной объективации, основной уклон делается в сторону духовности: сочувствие бедным и негативное отношение к богатым, материальному богатству и процессу его накопления» [16, с.114]. Поэтому «интеллигенция, мыслящая целью своей

деятельности в развитии индивидуальности человека, в духовном творчестве, должна бороться за личность» [17, с.32].

В.Маяковский продолжил борьбу против мещанства: «Капуста в усах от недоеденных шей» – это зримый образ пресыщенного обывателя, уверенного в своём праве судить поэта. Женщина в белилах, которая выглядывает «из устрицы вещей», воспринимается как символ самовлюблённого мещанства, вещизма, накопительства, поглотившего человека. В понимании поэта мещанство включает и народившуюся новую советскую бюрократию. Его многие стихи, такие как «Гимн обеду», «Гимн взятке» выражают презрение к мещанству, поэт восстаёт против его засасывающей власти. В стихотворении «О дряни» (1920) В.Маяковский, разоблачая погруженность в бездуховный мир материального, восклицает: «Утихомирились бури революционных лон. // Подернулась тиной советская мешанина. // И вылезло // из-за спины РСФСР // мурло // мещанина. // (Меня не поймаете на слове, // я вовсе не против мещанского сословия. // Мещанам // без различия классов и сословий // мое славословие)». И в этом стихотворении, и в других его стихах «мещане и бюрократы воспринимаются им и как нечто вездесущее, и как оборотни. <...> Мещанский покой и мещанская сытость осознавались В.Маяковским как угроза для претворения в жизнь его футуристических мечтаний. Мещанству как образу жизни Маяковский противопоставил в своей поэзии идею "громады любви" и "громады ненависти". Любовь в воззрениях поэта ассоциируется с моделью мира, она определяет величие и отдельного человека, и всего мира» [18].

И что интересно: если большевики и их идейные единомышленники считали, что мещанство, его идеология и психология, – одна из главных опасностей на пути к победе социализма и коммунизма, то их противники были убеждены в том, что к торжеству мещанства ведут как раз идеалы социализма. Так, Д.С. Мережковский в статье «Грядущий хам» (1906) видит в мещанстве «царство вечной середины, вечной посредственности», а Н.А. Бердяев в книге «Революция и культура» (1905) пишет, что «надвигающееся мещанство враждебно всему истинно благородному, индивидуальному, творческому» [19, с.255]. И то, что столь полярные позиции неожиданно пересеклись в точке **неприятия именно мещанства – это также абсолютно русская ситуация!** И такое отношение связано не только с социальным или индивидуальным неприятием явления, оно обусловлено, в том числе, и *ментальным* отношением. «Для русских материальное – второстепенно. Русское сознание относится к материальному как к не главному в жизни. Положительно оценивается неприхотливость – русский человек, в общем, не стесняется жить и работать в скромных условиях, любит неформальную одежду, простую обстановку. <...> Человек не должен стремиться заработать много денег – об этом стыдно мечтать и тем более говорить. Нельзя декларировать стремление к прибыли – надо говорить, что деньги нужны на благотворительность, на строительство церкви, больницы, так делали русские купцы и предприниматели конца прошлого начала нынешнего века. Это давало купцу отдушину, возможность жить в согласии с национальными традициями, показывало, что он старается не только для обогащения. Самоубийство на вершине карьеры С.Морозова свидетельствовало для многих, что фабрикант понял, что живет в противоречии с национальными ценностями и принципами» [20, с.64-65] (хотя известны и совершенно иные причины и обстоятельства ухода предпринимателя из жизни).

В анализе специфики восприятия русским человеком мещанства (читай: богатства, накопления, потребления и т.д.), его неприятия и отторжения этого явления нужно уйти от утрирования проблемы: она, безусловно, не в том, что человек не должен думать о хлебе насущном, и не в том, что ему не нужен достаток. Проблема в расставлении приоритетов в давнем споре, метафорически выраженном в известном изречении «мы живём, чтобы есть, или мы едим, чтобы жить?», т.е. вопрос **о смыслах, целях и идеалах.**

В то же время в силу историко-политических причин и обстоятельств у русского человека сформировалось сложное отношения к *собственности* как таковой, вернее, у него «не сложились» эти отношения, в отличие от его собрата – западного европейца. Основная масса простого русского люда мало чем владела, а что имела, того могла с лёгкостью лишиться. Вспомним судьбу старого дворянина Дубровского, описанную А.Пушкиным, что уж говорить о простом смертном? Поэтому право частной собственности, «сакральное» отношение и уважение к ней и т.д., было, по большому счёту, чуждо простому человеку, что и отпечталось на столетия в ментальном сознании. Даже само слово «собственность» вызывало нередко подозрение, в этом обнаруживается отнюдь не только определённая сила и высота духа над приземлённой прозой быта, но и достаточное *негативное начало*, которое



порождало немалые проблемы, в том числе социокультурного характера. Наверное, поэтому сегодня мещанство как сословие, связанное кровными узами с понятием собственности, и мещанство как явление опять стало в центре дискуссий: появляются статьи, главный пафос которых переосмыслить и само явление, и главное – отношение к нему: преодолеть, так сказать, «антимещанский комплекс», сформировавшийся в течение почти полутора столетий, а по сути – поменять полюса с минуса на плюс. Так, С.А. Степанов приводит цитату из статьи А.Я. Флиера «Некоторые закономерности исторического социокультурного развития» о том, что мещанству как среднему слою городского населения «свойственная "середина" проявляется, в том числе, и в следовании сложившимся в течение веков общепринятым нормам *добродетели*, где косность, меркантильность и пошлость являются лишь крайними формами, суррогатами», и тут же замечает, что «в связи с этим феномен мещанства можно трактовать также *в качестве образца достойной жизни, воплощения нравственного здоровья, пусть и в усреднённом варианте*» [курсив наш, 21, с.57]. Однако авторы таких статей часто сами и признают, что процесс переосмысления и реабилитации этого явления «долгий и трудный в силу <...> *ментальных особенностей*» [курсив наш, 22, с.23].

Нередко приводятся также высказывания и оценки известных русских писателей, например, М.М. Пришвина, не согласных с обвинительной тенденцией русской интеллигенции по данному вопросу. Писатель дал в своих дневниках альтернативное понимание мещанства. Он воспринимал его как олицетворение всего простого, чистого и здорового в русской жизни, а социально-политические идеи, спровоцировавшие трагические события русской истории, он определял как «дворянскую занозу в здоровом мещанском теле». [23, с.84]. Однако рискнём утверждать, что позиция М.М. Пришвина – это, в том числе, реакция на изменившиеся социокультурные реалии русской жизни после 1917 года и неоднозначное восприятие большевизма, это и следствие сложных отношений с М.Горьким, определённая мировоззренческая оппозиция ему. Это также неприятие сложившегося авторитарного образа правления и всей власти в целом, которая, как, видимо, полагал М.Пришвин, в качестве реабилитации своего курса на ликвидацию частной собственности (а по сути, обнищания огромной массы народа) взяла антимещанский лозунг на свои знамёна.

И, тем не менее, несмотря на всё вышесказанное, мы берёмся утверждать, что массовое неприятие мещанства зафиксировано у подавляющего большинства русских людей на, так сказать, «генетическом» уровне. Тут берут верх и православная культура, воспитывавшая веками русского человека, и система укоренённых в сознании духовно-нравственных ценностей, и представления о личности и нормах поведения каждого человека. Жизнь русского человека исторически протекала в сложных условиях, когда материальные накопления могли с лёгкостью исчезнуть, оставив человека ни с чем. Это научило его опираться на вечное, непреходящее, а вера помогала ему укрепиться в этом убеждении. В таких условиях он сформулировал для себя определённый нравственный ориентир: «счастье на деньги не купишь, богатством души не выкупишь, а лишний грош – перед гибелью».

Таким образом, обращаясь к формулировке темы, отметим, что в структуре самого концепта уже присутствует *ментальное содержание*. Концепт «мещанство» становится лакмусовой бумажкой в русском национально-культурном сознании. В составе русской концептосферы концепт «мещанство», как правило, имеет негативную коннотацию и находится в оппозиции к концепту «интеллигенция». Итак, мы можем констатировать, что постоянная доминанта отрицания мещанства, его идеологии, психологии и миропонимания, связана с давно сформировавшимся убеждением русского человека о порочности выбора идеала меркантильности в качестве жизненных предпочтений и целевых установок.

Меняются времена, но нравственное осуждение накопления материальных благ как *смысла, идеала и цели в жизни* остаётся неизменным, даже в условиях победившего гламура и стремления ко всеобщему преуспеянию. Ментально русский человек испытывал неловкость при кичливой демонстрации богатства, у него всегда закрадывалось сомнение в честном его приобретении. Да, сегодня это не поголовно-массовое настроение – это настрой и убеждения русской интеллигенции, задающей нравственный тон жизни нации.

#### Литература:

1. *Настольный словарь для справок по всем отраслям знания*: В 3-х тт. / Под ред. Ф.Толля. СПб., 1864, т.2.
2. ДАЛЬ, В. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва, 1956, т.2.
3. СТЕПАНОВ, Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры*: 3-е изд. Москва, 2004.

4. ФЕТ, А.И. *Мещанство, его история и философия*. Новосибирск, 1980. Электронная версия – 2001 г. <http://modernproblems.org.ru/philosophy/253-2014-04-27-12-40-29.html>
5. САРАЕВА, Е.Л. Понятие мещанства в текстах А.И. Герцена и Иванова-Разумника: диалог идей. В: *Ярославский педагогический вестник*, 2011, № 3, том I (Гуманитарные науки).
6. МАТВЕЕВА, Н.Ю. Рец. на кн.: Е.И. Кукушкина. Русская интеллигенция в поисках политических смыслов. В: *Вопросы философии*, 2016, № 8.
7. СТЕПАНОВ, Ю.С. Указ. соч.
8. ЕЛИСТРАТОВА, А.А. Мещанская драма. В: *Английская литература XVIII в. Лилло и Мур // История всемирной литературы*: В 8-ми томах. АН СССР; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. Москва: Наука, 1983-1994; - в 9-ти тт. Т.5. 1988.
9. ФРУМКИН, К.Г. Купечество и мещанство: социально-психологические размышления на материале русской классической драмы. В: *Историческая психология и социология истории*, 2009, том 2, № 1.
10. НАБОКОВ, В.В. *Лекции по русской литературе*. Москва, 1996.
11. НАБОКОВ, В.В. *Николай Гоголь / Тень русской ветки: стихотворения, проза, воспоминания*. Москва: «Эксмо-Пресс», 2000 г., с. 437-440. <http://vikent.ru/enc/3056/>
12. НАБОКОВ, В.В. *Там же*.
13. МУХУТДИНОВА, Т.З., КУЛАГИНА, Г.Н., ЯЧИНА, Н.П., ИКРАМОВ, А.Я. Феномен русского мещанства: отношение М.Горького и Л.Андреева. В: *Вестник Казанского технологического университета*, 2012, №9. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-russkogo-meschanstva-otnoshenie-m-gorkogo-i-l-andreeva>
14. ЛОССКИЙ, Н.О. *Характер русского народа*. // По: Frankfurt am Main: Посев, 1957.
15. ГОРЬКИЙ, М. *Заметки о мещанстве* <http://gorkiy.lit-info.ru/gorkiy/articles/article-354.htm>
16. ПУТИЛИНА, Л.В., НЕСТЕРОВА, Т.Г. Подходы и методы исследования концепта «богатство» в отечественной лингвистике. В: *Вестник ОГУ (Оренбургский гос. ун-т)*, 2014, № 11(172).
17. САРАЕВА, Е.Л. Указ. соч.
18. КОРМИЛОВ, С.И. *История русской литературы XX века. (20-90-е годы)*. Москва, 1998.
19. БЕРДЯЕВ, Н.А. Революция и культура. В: *О русских классиках*. Москва: Высшая школа, 1993, с.255.
20. ПРОХОРОВ, Ю.Е., СТЕРНИН, И.А. *Русские: коммуникативное поведение*. Москва, 2006.
21. СТЕПАНОВ, С.А. Мещанство как социокультурное явление: на примере отечественной литературно-философской мысли и публицистики. В: *Вестник МГУКИ*, 2016, №4 (72).
22. ЖЕРЕБЧИКОВ, Д.П. Российское мещанство: проблемы терминологии. В: *Альманах современной науки и образования*, часть 1, № 2(33), 2010,
23. ПРИШВИН, М.М. *Дневники 1920-1922 гг.* / Подготовка текста Л.А.Рязановой. Москва: Московский рабочий, 1995. 334 с.

*Prezentat la 12.09.2017*